
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ПРАВО НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ:

«Записки из Мертвого дома»

Ф. М. Достоевского

Достоинство личности, в защиту которого возвышал голос Федор Михайлович Достоевский (1861–1881) во всем своем творчестве, — признание за человеком высшей ценности как за существом, обладающим разумом, волей и чувствами. Достоинство человека означает «осознанное моральное отношение человека к самому себе, его самооценку, а также отношение к нему со стороны общества»¹.

Бесспорно, каждый испытывает социальный, психологический, нравственный дискомфорт, если теряет самоуважение или уважение окружающих. Человеку необходимо, чтобы он был признан именно как человек, как неповторимая личность. Это одна из основных его нематериальных потребностей. Именно эта потребность как нематериальное благо закрепляется в статье 21 Конституции Российской Федерации:

Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам².

Право на достоинство личности включается в систему основных личных прав и свобод Конституции РФ. Это естественные, основополагающие, неотъемлемые права человека, которые «призваны гарантировать индивидуальную автономию и свободу, защитить человека от произвола со стороны государства и других людей. К этой группе прав обычно относят право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право на защиту чести и доброго имени и др.»³.

Следует заметить, что некоторые права и свободы не только гармонируют с правом на достоинство личности, но и конкурируют с ним. Так, например, право на свободу слова может вступить в противоречие с правом на достоинство личности. Но в данном

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы.

¹ Институт прав человека в России / Г. Н. Комкова, О. В. Шудра, Т. Г. Даурова и др. Саратов, 1998. С. 90.

² Конституция Российской Федерации // Российская газета. 15.02.1996. № 31.

³ Институт прав человека в России. Саратов, 1998. С. 57.

случае законодатель подчеркивает, что право на достоинство личности *абсолютное*, а на свободу слова — *относительное* — и может быть ограничено абсолютным правом на достоинство личности.

Для российского законодательства особое значение имеет международно-правовой принцип уважения прав человека и его основных свобод, выраженный во Всеобщей декларации прав человека. Российская Федерация состоит в мировом сообществе и должна придерживаться мировых стандартов в области права. Законодательно закрепленное в России право на защиту человеческого достоинства, чести и доброго имени «в основном соответствует международным нормам»⁴.

Так, значение права на достоинство личности особо акцентировано уже в преамбуле Всеобщей декларации прав человека: «Принимая во внимание, что *признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи* (выделено мной. — А. Н.-С.), и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира <...> Генеральная Ассамблея *провозглашает* настоящую Всеобщую Декларацию Прав Человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства»⁵.

Важно обратить внимание на то, что о достоинстве личности говорится не только в самом начале преамбулы, но и первая статья Декларации также утверждает право каждого человека на достоинство от рождения: «*Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства*».

Сущность анализируемого понятия может быть уяснена, если обратиться к этимологии слова «*достоинство*». Корень этого слова находим в древнерусской форме «*достой*». «ДОСТОЙ, — читаем в словаре В. И. Даля, — приличие, приличность, сообразность; *чего стоит человек или дело, по достоинству своему* (выделено мной. — А. Н.-С.)»⁶. Кстати, именно древнерусское слово «*достой*» — корневая основа фамилии Достоевский.

В самом общем виде понятие о чести и достоинстве означает неопороченность нравственных качеств человека. «Под достоинством личности, — поясняется в комментарии к Конституции Российской Федерации, — понимается осознание самим человеком и окружающими факта обладания неопороченными нравственными и интеллектуальными качествами. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств человека, характеризующих его репутацию в обществе (благоразумие, нравственные установки, уровень знаний, обладание социально-полезными навыками, достойный образ жизни и т. п.)»⁷.

Широко известен монолог о человеке в пьесе М. Горького «*На дне*», в которой писатель патетически возвышает свой голос в защиту человеческого достоинства каждого — даже изгоев, выброшенных на обочину жизни, угодивших на самое ее «дно»: «*Человек — вот правда! <...> Чело-век! Это — великолепно! Это звучит ... гордо! Чел-овек! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!*»⁸

Каждый человек нуждается в признании его ценности, уникальности — и в собственных глазах, и в глазах окружающих его людей.

Новаторство Достоевского в том, что он показал уже не просто социальный тип «*маленького человека*», но и его *самосознание*, требующее признания человеческой

⁴ Белая Книга России (наблюдения и предложения в области прав человека). Франкфурт-на-Майне, 1994. С. 91.

⁵ Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.; М., 1880. С. 479.

⁷ Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994. С. 64.

⁸ Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать. М., 1978. С. 342.

ценности, необходимое для *самоуважения*. К этому стремятся люди в любом положении, даже в условиях каторги, изображенной писателем по его личным впечатлениям, наблюдениям и опыту политического заключенного и ссыльного, приговоренного за участие в социалистическом кружке Петрашевского.

Книга очерков «*Записки из Мертвого дома*» Достоевского явилась документальным свидетельством и художественно-публицистическим исследованием мира русской каторги. Цикл очерков появился в печати именно тогда, когда в русском суде подготавливались значительные перемены. Книга начала публиковаться в сентябре 1860 года в журнале братьев Достоевских «*Время*», а в 1862 году уже вышла отдельным изданием. В том же году стали известны «*Основные положения преобразования судебной части в России*».

Таким образом, новая книга Достоевского писалась об актуальных для всего общества проблемах, о наблевшем, и автор, сам недавно вышедший из каторги, оказывался лицом, «переболевшим» более всех других. «*Записки из Мертвого дома*» захватывали читателя и новизной тематики, и неожиданной глубиной ее осмысления.

В изображении писателя каторга явилась захоронением живых людей. Особый мир «мертвого дома» раскрывается в подчеркнуто строгой, реалистической манере с установкой на документальность повествования. Здесь нет вымысла, особых художественных приемов. Жанр произведения — записки, очерки, документальная проза. Сдержанный стиль отличается достоверностью, почти протокольной точностью. Изображение каторжного мира, увиденное Достоевским, не нуждалось в художественном заострении или преувеличении. Здесь требовалась только точность очевидца. Таким образом, «*Записки из Мертвого дома*» носят характер свидетельского показания. Они основаны на «Сибирской тетради» писателя — живом, дошедшем до нас свидетельстве писательского подвига Достоевского, которому как политическому ссыльнокаторжному было запрещено брать в руки перо⁹.

«*Записки...*» были не просто новым словом о русском остроге. К моменту печатания книги эта тема уже широко обсуждалась в обществе в связи с подготовкой судебной реформы. Произведение Достоевского поднимало проблемы философские, общечеловеческие: добро и зло, преступление и наказание, свобода и реализация права на достоинство личности как необходимое условие жизни. Вот почему писатель справедливо огорчился, когда видел, что его современники оценивают «*Записки...*» узко, отводя им место только среди книг о тюрьме и каторге¹⁰.

О каторжной тюрьме автор-очевидец пишет как об особой физической данности со своими законами времени и пространства: «Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи...»¹¹ Одна из примет обитателей «мертвого дома» — социальная отверженность. На внешнем уровне это тяжелые кандалы, уродливая прическа: выбритые наполовину головы, арестантская одежда, сшитая из сукна разного цвета. Только по внешней форме наказания каторжника сразу можно отличить от других людей: «одно шельмование, стыд и тягость, нравственная и физическая» (4, 139).

Таким образом, лишение свободы одновременно являлось и унижением человеческого достоинства. Основой наказания становилось право глумления над человеческой личностью. Оставляя заключенным жизнь, закон лишал их звания человека.

⁹ См.: Достоевский Ф. М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь). Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1985.

¹⁰ См.: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. Литературное наследство: Т. 8. М.: Наука, 1971. С. 605.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1974. Т. 4. С. 9. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Логика «Записок из Мертвого дома» не совпадала с логикой современного Достоевскому Уголовного кодекса. В изображении писателя устрашение скорее калечит, чем вылечивает. К возрождению может вести не урезание в элементарных человеческих правах, а сохранение живой жизни человеческой души. Какой бы ни была форма лишения свободы, без свободы всякая жизнь мертва. Таково глубоко выстраданное убеждение Достоевского. «Вместилище людей, лишенных свободы, может быть только мертвым домом. <...> В метафоре „мертвый дом“ главным является социально-политический и этический подтекст: свобода — непереносимое условие жизни»¹².

«Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободе выше всего для арестанта» (4, 66), — свидетельствует Достоевский. Наблюдая за жизнью каторги, повествователь фиксирует: если арестанты заводят себе обновки, то «непременно партикулярного свойства: какие-нибудь неформенные черные штаны, поддевки, сибирки» (4, 20).

Жажда свободы у арестантов непомерна, поэтому она может вести к извращению воли. В этом, по глубокому убеждению писателя, антигуманность насилия над человеческой личностью. Под воздействием каторги личность разрушается, ее проявления становятся «тоскливыми», «судорожными», ненормальными: «желание заявить себя, свою приниженную личность» доходит «до омрачения рассудка» (4, 67) и нередко ведет к новым преступлениям.

Возвышая свой голос в защиту человеческого достоинства личности, Достоевский расширяет понятие «мертвый дом». Некоторые зарисовки — например, описание банного дня — представлены Достоевским так, что у читателя не возникает никаких сомнений, что перед ним inferнальная картина ада. Каторга-несвобода — мертвый дом — равнозначны аду с его вечными муками: «Когда мы растворили дверь в баню, — вспоминает писатель, — я думал, что мы вошли в ад... Пар, застилающий глаза, копоть, грязь, теснота... На всем полу не было местечка в ладонь, где бы не сидели, скрючившись, арестанты, плескаясь из своих шаек. <...> Это был уже не жар: это было пекло. Все это орало и гоготало при звуке ста цепей, волочившихся по полу <...> Обритые головы и распаренные докрасна тела арестантов казались еще уродливее. На раскаленной спине обыкновенно ярко выступают рубцы от полученных когда-то ударов плетей и палок, так что теперь все эти спины казались вновь израненными» (4, 98). «Мне пришло на ум, что если мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» (4, 99).

В следующей — десятой — главе «Записок...» тема каторги-ада зазвучала в ином, противоположном ключе: даже в тюрьме живет тоска по идеалу, евангельская «сверх надежды надежда» на прощение и возрождение к новой жизни. Писатель-очевидец показывает, как острог готовится к празднованию Рождества Христова.

Этот светлый радостный праздник, основная идея которого — спасение и искупление человечества милостью Божией («Христос рождается прежде падший восстановити образ»), пробуждает в отверженных надежду на восстановление «падшего образа» человеческого, погружает их в мир светлых воспоминаний, формирует чувство приобщенности ко всем людям: «...арестант бессознательно ощущал, что он этим соблюдением праздника как будто соприкасается со всем миром, что не совсем же он, стало быть, отверженец, погибший человек, ломоть отрезанный, что и в остроге то же, что у людей» (4, 105).

Однако на каторге предполагаемый праздник проходит как обманутое ожидание. В «мертвом доме» радость и праздничное настроение невозможны: «Грусть, тоска и чад тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы <...> Весь этот бедный народ

¹² Карлова Т. С. О структурном значении образа «Мертвого дома» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. С. 136.

хотел повеселиться <...> и, Господи! Какой тяжелый и грустный был этот день чуть не для каждого» (4, 111).

Идея «Записок...» — мечта о свободе, о «вольной воле» — реализуется в образе-символе орла. Раненый орел жил на тюремном дворе. Затем, когда птица выздоровела, арестанты отпускают ее на волю и долго смотрят вслед улетающему орлу: «„Вишь его!“ — задумчиво проговорил один. „И не оглянется! — прибавил другой. — Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бежит себе!“ — „А ты думал, благодарить воротится?“ — заметил третий. „Знамо дело — воля. Волю почуя!“» (4, 195).

Книга завершается «разрешенной свободой», то есть выходом из острога: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» (4, 232).

В «Записках из Мертвого дома» Достоевский не дает ответа на вопросы, что такое преступление, какой именно должна быть система наказания. Писатель выражает убеждение в сложности проблемы: «Да, преступление, кажется, не может быть осмыслено с данных, готовых точек зрения, и философия его несколько потруднее, чем полагают» (4, 15).

Каторжный опыт писателя убедил его в том, что есть и «такие преступления, которые всегда и везде, по всевозможным законам, с начала мира считаются бесспорными преступлениями и будут считаться такими до тех пор, пока человек останется человеком» (4, 15). Достоевский требует охраны общества от «чудовищ» и «нравственных Квазимодо» (4, 63). Описывая таких преступников, как Газин, Орлов или А-в, который «за удовлетворение самого малейшего и прихотливейшего из телесных наслаждений был способен хладнокровнейшим образом убить, зарезать, — словом, на все» (4, 63), автор восклицает: «Нет, лучше пожар, лучше мор и голод, чем такой человек в обществе!» (4, 63)

С другой стороны — писатель показал, что жестокость закона так же, как и бездарное его исполнение, приводят к нравственной и физической гибели человека: «Иные думают, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, так и дело с концом. Это тоже заблуждение. Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает свое место перед начальством; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следственно, и надо с ним обращаться по-человечески» (4, 91). **Только «человеческое» обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уж потускнел образ Божий»** (4, 91).

«Записки из Мертвого дома» ставили гуманистическую задачу защитить право на достоинство личности, пробудить в человеке человеческое. *Высшая современность книги Достоевского заключается в том, что проблемы русского острога поставлены в ней на широкой основе таких категорий, как свобода и право на достоинство личности, которые писатель воспел как высшее благо.*

Это тем более актуально в условиях, когда ученые-правоведы до сих пор констатируют теоретическую неразработанность в праве ценностных и антропологических проблем исправления преступников.

Писатель показал, что унижение достоинства личности может привести к нравственной и физической гибели человека. Требуя оградить общество от «чудовищ и нравственных Квазимодо», Достоевский в то же время призывал максимально защищать достоинство человека при любых условиях.

Следуя этому завету классика, современное законодательство должно прежде всего обращать внимание на учет индивидуально-психологических особенностей личности в вопросах защиты прав человека.